

На правах рукописи

ШАРАПКОВА АНАСТАСИЯ АНДРЕЕВНА

**ЭВОЛЮЦИЯ МИФА О КОРОЛЕ АРТУРЕ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО
ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ КУЛЬТУРНО-
ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (XV-XXI вв.)**

Специальность 10.02.04 – германские языки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва 2015

Работа выполнена на кафедре английского языкознания филологического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Комова Татьяна Андреевна

Официальные оппоненты: **Пономаренко Евгения Витальевна**
доктор филологических наук,
профессор, ФГАО УВО «Московский
государственный институт
международных отношений
(университет) Министерства
иностраннных дел Российской
Федерации», профессор кафедры
английского языка № 5

Волкова Светлана Борисовна
кандидат филологических наук
ГБОУ ВОМО «Университет «Дубна»
доцент кафедры лингвистики
факультета социальных и
гуманитарных наук

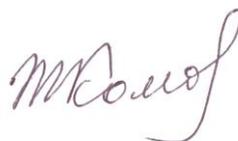
Ведущая организация: НОУ ВПО «Православный
Свято-Тихоновский
Гуманитарный Университет»

Защита диссертации состоится « 24 » декабря 2015г. на заседании диссертационного совета Д 501.001.80 при ФГОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, д.1, стр.51, 1 учебный корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке 1-го учебного корпуса ФГОУ ВПО «Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова».

Автореферат разослан «__» _____ 20__ г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
профессор

Т.А. Комова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена исследованию лингвистических особенностей эволюции такого значимого явления для англоязычного культурного пространства, как миф о короле Артуре, который проходил различные этапы развития, но неизменно оставался объектом мифотворческого, литературного и культурного процессов в Англии, Европе и, даже спустя несколько веков, в Америке. Фигура короля Артура объединяла и структурировала комплекс смыслов, которые появлялись и исчезали в корпусе артуровских текстов, героев, которые присоединялись к мифологическому представлению и исчезали, изменялись и трансформировали сам миф о короле прошлого и грядущего, справедливого и страдающего, победителя и павшего в битве у горы Бадон. Миф о короле Артуре – живой, социальный феномен, подверженный влиянию и влияющий на базовые культурные представления в Старом и Новом Свете. Мифологическое осмысление реальности, в том числе и художественной, отличается синкретизмом и вневременным характером, что «свойственно не одному какому-либо времени, а людям всех времен»¹. Авторы специальной Энциклопедии «артурианы» подчеркнули непрерывность и преемственность развития каждой последующей работы, посвященной артуровской тематике, которые представляют собой «два процесса – акт сохранения прошлого и разговор о будущем»².

Функция целостного осмысления действительности и концептуализации опыта была заложена в древности, но сохраняется мифологией и в современном мире, а сам миф претерпевает преобразования. Король Артур – герой многочисленных сказаний, легенд, историй, воплощенных в хрониках, романах и фильмах – запечатлевает интереснейшее явление, так как его личность является ядром целого мифологического комплекса, берущего начало в кельтской мифологии, обогащенной германскими и романскими представлениями, и существующего в новой социокультурной среде. Миф об Артуре есть миф об упрочении власти, о справедливом правителе и защитнике народов; часто актуализируемый в тех или иных интерпретациях, он отмечает архетипические черты человеческой психики и связывает «артуриану» с мифологией и мифологическим мышлением в целом, характеризующимися «диффузивностью,

¹ Потебня А.А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. С. 154.

² The Arthurian Annals. The Tradition in English from 1250 to 2000 NY. Oxford and New York: Oxford University Press, 2006.С. XI

синкретичностью и эмоциональной насыщенностью»³. Образ Артура является единой многоуровневой, мифологически структурированной художественной и нехудожественной реальностью, благодаря чему он функционирует в человеческом социуме, каждый раз заново в новую эпоху, что делает его популярным и востребованным на протяжении столетий. Рабочей **гипотезой** данного исследования послужило положение о том, что миф развивается, поскольку видоизменяется центральное представление о главном герое, тщательное изучение и рассмотрение эволюции которого возможно посредством концептуального анализа в сочетании с рядом других видов когнитивных и филологических процедур, структурирующих основные характеристики единства, называемого концептом.

Обращение именно к **лингвистическим аспектам воплощения мифа** важно, поскольку только через язык возможно полное и эмпирически обоснованное исследование культурно значимых феноменов, а также их описание, основывающееся на эмпирическом материале. Сквозными теоретическими предпосылками исследования явились следующие: 1) изучение и восприятие «артурианы» как мифа, структурой которого являются совокупность определенных характеристик, заложенных в основу некоторого концептуального построения; 2) разножанровая совокупность культурно-значимых текстов формирует смысловой фундамент для онтологической **вторичности и интертекстуальности** мифа в литературе как важнейшей черты, определяющей его внешние лингвистические проявления и прагматику развития **концепта** главного героя **в дискурсивном пространстве** произведений, ему посвященных.

Актуальность исследования обусловлена тем, что миф об Артуре как единой сущности, имеющей свои тенденции развития и формы существования на протяжении длительной эволюции, на основе лингвистических данных не был представлен ранее ни как объект, ни как предмет изучения в лингвистике. Поскольку миф онтологически связан с языком, человеческим сознанием и языковой деятельностью, то изучение такого живого мифа, как миф о короле Артуре в рамках дискурса, объединяющего разные по стилю, жанру и эпохе произведения, является важным в современных условиях с точки зрения воспроизводства и порождения новых смыслов в социуме. Внимание к языковым

³ Мелетинский Е.М. От мифа к литературе. М.: Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), 2001. С. 24-25

особенностям каждого произведения позволяет выявить общие закономерности его формирования, развития и функционирования в современном мире, определить сходное и различное во множестве вариаций. Актуальность данного исследования также состоит в том, что в нем показана роль мифа о короле Артуре как конституирующего признака британского и американского самосознания. На его основе строятся представления о государственности, монархии и власти, получающие воплощение в художественном и нехудожественном типах дискурса, начиная с XV столетия и по настоящее время.

Цель исследования состоит в том, чтобы на основе комплексного филолого-концептуального анализа текстов о короле Артуре показать принципы и особенности формирования и эволюции мифа в социокультурном и художественно-литературном пространстве через развитие концепта «King Arthur», подвергающегося структурным и иным преобразованиям.

Достижение данной цели предполагает решение следующих **задач**:

1) определить особенности изучения мифа в литературе, отразив его взаимоотношение с человеческим творческим сознанием, культурой, языком и дискурсом;

2) показать роль мифа о короле Артуре и его воплощение в не-архаическом обществе (XV-XXI века);

3) рассмотреть развитие «артурианы» как мифа в произведениях различной жанровой направленности: сказка, роман, короткий рассказ и др., разработав комплексную методику анализа на базе историко-филологического, лингвокультурологического и когнитивно-дискурсивного подходов;

4) уточнить особенности концептуального анализа мифа в теоретических рамках исследования, охарактеризовав составляющие его компоненты, приемы и функции;

5) обозначить принципы концептуального анализа применительно к художественным произведениям, где фиксируется взаимоотношение между понятийным и образно-прагматическим компонентами изучаемого концепта;

6) рассмотреть языковые особенности воплощения образа Артура и его окружения во всех анализируемых текстах, учитывая лингвостилистические и функциональные особенности языковых единиц в рамках всего художественного произведения, опирающиеся на этимологические характеристики, историко-социальные и культурные процессы;

7) выделить и всесторонне изучить основные лингвистические единицы,

вербализующие концепт «King Arthur»;

8) проанализировать характеристики, формирующие структуру концепта «King Arthur» на основе каждого из рассматриваемых произведений, обращая внимание на признаки ядерной и периферийной зон его организации;

9) сравнить полученные данные о структуре концепта и его видоизменении на протяжении XV – XXI столетий, сформулировав общие особенности эволюции концепта в англоязычном культурно-историческом пространстве.

Материалом исследования послужили произведения разных эпох и различных жанров, в которых основным и не всегда главным является образ короля Артура. Наиболее архаический образ короля Артура представлен сказкой «Килох и Олвен» (вал. “Culhwch ac Olwen”), долгое время существовавшей в устной традиции, записанной в XIV веке в составе цикла «Мабиногион» (“Mabinogion cycle”) и изученной в английском переводе как “Kilhwch and Olwen” (Lady Charlotte Guest) с привлечением историко-филологического материала по кельтской культуре. Значимым произведением мировой культуры для понимания образа Артура становится роман «Смерть Артура» (“Le Morte Darthur”) Т. Мэлори, написанный на ранненовоанглийском и опубликованный У. Кэкстоном в 1485 году. Он сопоставляется с вариантом О. Соммера (1889 г.), который представлен в электронном виде в составе корпуса среднеанглийской прозы и поэзии. Образ короля Артура на американской почве изучается на основе рассказа Н. Готорна “The antique ring”, романа М. Твена “Connecticut Yankee in King Arthur’s Court”, настольной книги для бойскаутов (“Boy Scouts Handbook”, 1911 г.) и выпусков журналов “Boy’s Life” (1911, 1912 гг.). В современной культуре особенности лингвистического описания образа рассмотрены на основе нескольких рассказов интернет-культуры «фанфикшен» (“Noble” автора Chaos Of A Butterfly, “King Arthur: Modern day respin” автора nikkiemjinkx, “The Romance of Arthur, Vortigern’s Daughter” автора Юдит П. Соат). Привлечены материалы 38 словарей и энциклопедий XIX-XXI веков, а также данные корпусов и электронных баз: Google N-gram viewer, Corpus of Middle English Prose and Verse, British National Corpus, Historical Corpus of American English.

Материал исследования потребовал **комплексного подхода к анализу** языковой репрезентации концепта, вследствие чего были использованы: историко-этимологический, дефиниционный, контекстуальный, филологический, концептуальный и дискурсивный анализы, а также наблюдение, анализ, синтез, количественный подсчет, приводятся таблицы и диаграммы, а также другие

способы представления материала.

Работа выполнена в рамках научной школы кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Содержание диссертации полностью соответствует Паспорту научной специальности 10.02.04 – германские языки.

Теоретическими основами исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых в области: 1) изучения мифа как явления истории, культуры, литературы, человеческого сознания и языковой деятельности (Ю.В. Верховская, Л.Н. Воеводина, Э. Кассирер, Л. Леви-Брюль, К. Леви-Строс, Дж. Лижка, Ф.А. Лосев, Е.М. Мелетинский, Н.Б. Мечковская, А.А. Потебня, В.Я. Пропп, В.Н. Топоров, Б.А. Успенский, К. Хюбнер, М. Элиаде, К. Ясперс); 2) психологии сознания и творчества, сознания и языка (Л.С. Выготский, В.П. Зинченко, А.Р. Лурия, Г.Г. Шпет, К.Г. Юнг; 3) литературоведения и концепции вторичности текста (М.М. Бахтин, М.В. Вербицкая, А.С. Герд, Г.К. Косиков, Ю. Кристева, Н. Пьеге-Гро); 4) лингвокультурологии (М. Агар, А. Вежбицкая, С.И. Гарагуля, Т.В. Елизарова, Н.М. Залесова, Т.А. Комова, В.В. Красных, Д.С. Лихачев, Т.Ю. Ма, Ю.С. Степанов, О.Л. Строганова); 5) общепилологических и семиотических проблем изучения языка и текста (О.С. Ахманова, В.В. Виноградов, В.Я. Задорнова, А.С. Матвеева, Т.Б. Назарова, С.А. Шахбаз); 6) истории языка (О.В. Авакова, Д.В. Бердникова А. Бо, К. Бруннер, М.А. Волконская, Т.А. Комова, Г.И. Проконичев, О.А. Смирницкая, А.И. Смирницкий, В.Н. Ярцева); 7) изучения дискурса (О.В. Александрова, Дж. Браун и Дж. Юл, Н.Б. Гвишиани, Е.А. Долгина, Е.С. Кубрякова, Л.А. Манерко, Е.О. Менджерицкая, Ю.С. Степанов, С.Г. Тикунова, А. Ченки); 8) структуры описания концепта (С.А. Аскольдов, А.П. Бабушкин, С.Б. Волкова, В.И. Карасик В.Н. Телия, Дж. Лакофф, Ч. Филмор, В. Эванс); 9) изучения «артурианы» (У. Блейк, Е. Винавер, А. Мортон, МкКарти, А.Д. Михайлов, С. Найт, Т. Роллестон, М. Сальда, Ю.С. Серенков, П. Филд и др.).

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе впервые тексты «артурианы» рассматриваются с позиции комплексного эволюционного подхода, учитывающего как историко-филологические, так лингвистические и когнитивные особенности. Диахронический ракурс исследования позволяет путем глубокого проникновения в лингвистические механизмы изучить рассматриваемые тексты, а посредством методологического аппарата когнитивно-дискурсивного и лингвокультурологического направлений исследований выйти на представление «артурианы» как единого целого, интегрирующего миф и дискурс. Применение

методов лингвистического и филологического анализов к рассмотрению текстов изучаемых произведений позволило более наглядно и четко осознать путь, причины и особенности эволюции мифа.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что в нем разрабатывается комплексная методика анализа текстов, соединяющая филологический и когнитивно-дискурсивный подходы, предлагается уточненная структура концепта применительно к его синхронному состоянию и эволюции, вносится вклад в теорию концептуализации и лингвокультурологии.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты работы могут найти применение в процессе преподавания теоретических курсов по лингвостилистике английского языка, лингвокультурологии, интерпретации художественного текста и когнитивно-функциональной лингвистике. Материал диссертации был применен в процессе проведения исследовательской и научно-педагогической работы, организации практических и семинарских занятий по английскому языку и может быть применен на филологических факультетах и факультетах иностранных языков университетов РФ. Материалы, касающиеся истории, этимологии и культуры английского языка, могут быть включены в учебные пособия для студентов и магистрантов по специальности «Лингвистика», «Язык и межкультурная коммуникация», полезны при написании курсовых и выпускных квалификационных работ.

Степень достоверности и апробация работы: обсуждение основных положений диссертации осуществлялось на десяти конференциях, в том числе международных и двух круглых столах (2013, 2015). Были сделаны доклады по результатам работы на 8-ой международной конференция по междисциплинарным исследованиям в области социальных наук (Карлов Университет, г. Прага, Чехия, 2013), а также Конгрессе Международного Артуровского общества (“Congress of the International Arthurian Society” Университет Бухареста, Румыния, 2014). Основные результаты работы обсуждались в рамках докладов на конференциях LATEUM (2013, 2015), Ежегодной научной конференции ПСТГУ (2013), I-ой международной конференции «Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы», проводимой в Московском государственном лингвистическом университете (2013). Предварительные результаты исследования представлялись на конференции «Ломоносов» в МГУ имени М.В. Ломоносова (2010, 2011, 2012). Основные положения и результаты работы нашли отражение в 16 публикациях,

общим объемом 10, 4 печатных листа, из них 4 опубликованы в журналах, рекомендуемых ВАК, 1 статья в журнале, входящем в базу данных SCOPUS.

Структура работы обусловлена поставленными целями и задачами, а также выбранными методами исследования. Диссертация состоит из введения, двух основных частей, каждая из которых состоит из трех глав, заключения, библиографии и приложений.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Эволюция мифа определяется изменениями в структуре концепта главного героя мифа – короля Артура. Главный герой получает свое развитие в многоуровневой, мифологически структурированной художественной и нехудожественной реальности, благодаря творческому осмыслению языковой личностью. Межтекстовый характер взаимодействия литературных произведений о короле Артуре, разнообразных по жанру, стилю, эпохе и способу распространения этого мифа, наиболее наглядно показан на основе процедур дискурсивного анализа.

2. Концепт «Король Артур» является сложным и многослойным, что обусловлено как особенностями его формирования, так и функционированием в художественной реальности. Он конституируется категорией пространства, которая является центральной для всего корпуса текстов. Понятия власти, благородства, справедливости и государственности выражаются глагольной и адъективной семантикой. Наблюдается стилистическое и этимологическое варьирование существительных для маркирования социальных взаимоотношений. Концептуальная деривация и переосмысление идиом также играют важную роль в репрезентации концепта.

3. Проанализированный материал позволяет ввести понятие концептуальной доминанты в структуре концепта “King Arthur” практически на всех этапах эволюции, определяемой социально-культурными изменениями в обществе.

4. Сказка «Килох и Олвен», будучи ранней формой литературного произведения, в котором фигурирует король Артур, приближена к прототипической составляющей мифа. В ней категория пространства связана с двумя героями - Артуром и Килохом, функцией которых является расширение границ от замка как «познанного» мира к «непознанному» и враждебному пространству, включая его в свой континуум. Концептуальная доминанта, выделяемая для сказки, относится к полевой структуре концепта «власть»

включает такие характеристики, как физическая сила, право на трон, авторитет, смелость и жестокость.

5. Центром рыцарского универсума в романе Т. Мэлори «Смерть Артура», выступает «королевский замок», представленный через базовый уровень категоризации, конкретизированный далее категорией волшебного пространства. Взаимоотношения короля и рыцарства описываются посредством слов социально-правовой сферы в основном французского происхождения, глагольной и признаковой лексикой с положительной и отрицательной коннотацией и стилистического варьирования единиц, которые отражают сложную систему отношений между королем и его вассалами, определяемых символом его власти - Круглым Столом. Противопоставление физического действия мыслительной деятельности в глагольной категоризации и система оппозиции хорошего и плохого рыцаря, подчеркнутая признаковой семантикой и деривационными моделями от *noble* (*noblesse*, *nobleness* и *nobley*), указывают на сдвиг от чисто архаического героя сказки к благородному рыцарю, королю феодального общества и лидеру рыцарства.

6. Гендерный аспект концептуализации власти короля Артура представлен образом королевы Гвиневеры и других благородных дам, которые оказывают воздействие на рыцарей, выступают регуляторами их деяний, в речи которых представлены галлицизмы с юридическими коннотациями и специальными маркерами.

7. Концептуальная доминанта «Благородство» как результат влияния культурного и социально-исторического контекстов на систему образов и речевые характеристики героев способствует усложнению концепта “King Arthur”.

8. При переносе концепта “King Arthur” в составе мифа на американскую почву, происходит его развитие через иронический модус. Хотя концепт “King Arthur” структурно минимизирован, в нем сохранены ядерные признаки (власть, социальный статус правителя), позволяющие ему быть узнаваемым в литературном произведении; концептуальной доминантой в романе М. Твена становится героизм (*heroism*) Артура в нетрадиционных обстоятельствах мирного времени.

9. Нравственный потенциал образа Артура и рыцарства востребован в идеологии бойскаутов, широко повлиявшей на восприятие Артура в Америке. Концептуальной доминантой становится понятие чести (*honour*), которое разрабатывается в соответствии с американской системой ценностей: общность

рыцарства, объединенной сильным лидером, где Артур выступает лишь как лучший пример идеального и моделируемого поведения.

10. Развитие мифа в XXI веке осуществляется через интернет-рассказ жанра фанфикшен, автором которого становится фанат мифического/художественного мира. В мифическом времени происходит дальнейшее обеднение концепта за счет разрушения и видоизменения ядерной зоны и его превращение в имя-бренд (меняется пол главного героя, но сохраняется справедливость как черта характера, меняется время события, но на первый план выходит образ военного братства или значительное сюжетное сходство), происходит усиление за счет ключевых слов, составляющих концептуальную сетку дискурса. В структуре концепта в произведениях фанфикшен часто отсутствует исторически сложившаяся концептуальная доминанта.

11. Проанализированный материал позволяет выделить следующие этапы развития концепта “King Arthur”: от 1) формирования общего поля-образа в фольклоре к 2) первичному структурированному концепту (сказка «Килох и Олвен»); 3) появление развитого концепта с избыточными характеристиками (роман Т. Мэлори «Смерть Артура»); 4) формирование вторичных концептов, избавленных от избыточности, но незначительно редуцированных (роман М. Твена «Янки при дворе короля Артура» и в идеологии скаутов), 5-а) «кристаллизация концепта» (словари и массовая культура); 5-б) формирование высокой вариативности концепта (рассказы фанфикшен), которые напоминают возвращение к формированию общего поля представлений при зарождении мифа, дающих стимул к развитию новых интерпретаций и дальнейшей эволюции. Характеристики концепта и его концептуальная доминанта наглядно представлена в развернутых художественных произведениях.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы, формулируются цели и задачи исследования, определяются его актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, описываются подходы и методы, использованные в данной работе, представлены сведения о ее апробации.

Первая часть диссертации представлена тремя главами. В **первой главе** «Основные понятия методологии исследования мифа о короле Артуре» дается обзор изучения понятия «миф» в философской, филологической и психологической литературе, рассматриваются основные понятия методологии исследования мифа о короле Артуре с вниманием к лингвистическим аспектам

изучения мифа от слова через текст к понятию дискурса. Способом существования мифа на протяжении многих веков был язык, формой существования мифа становится литературное произведение, определяемое по жанру, стилю, эпохе и способу распространения. Слово «миф» обладает онтологически лингвистической сущностью: в греческом языке "mythos" относилось к речи в целом, а Дж. Лижка пишет о мифе, как об «эволюционном предке всех современных форм *дискурса*» (как формы словесного творчества), так как в нем воплощается и хранится *знание* человечества»⁴. Обоснование связи мифа и дискурса производится в рамках когнитивной парадигмы лингвистического знания, для которой «дискурс – это передача когнитивного содержания, вкладываемого адресантом, адресату через посредство текста в его лингвистическом воплощении и заложенных в нем определенных стратегий подачи информации»⁵. Вследствие этого, изучение мифа посредством дискурсивного анализа, а главного героя – Артура посредством концептуального анализа есть способ изучения развития мифа и его особенностей в рамках активного действующего человеческого сознания, создающего и воспринимающего те или иные произведения словесного творчества. Миф в данном случае – материал, всегда связанный с человеческим фактором и человеческим сознанием, культурой и языком; он всегда производится, передается человеком, он легко участвует в диалоге множества индивидов. Личностный и надличностный характер мифа и диалогичный характер литературы, построенный на нем, дают возможность нескончаемым интерпретациям и реинтерпретациям в новых текстах. Он становится одной «из чрезвычайно сложных реальностей культуры, и его можно изучать и интерпретировать в самых многочисленных и взаимодополняющих аспектах»⁶.

Поэтому, понятие мифа уточняется в контексте изучения языка и культуры в рамках лингвокультурологии поскольку лингвокультурология позволяет изучать языковые явления – слова и их культурное поле – в связи с социо-историческим фоном. Изучение мифа и языка с точки зрения лингвокультурологии не противоречит вышеобозначенной когнитивно-дискурсивной парадигме знания, ибо язык и культура, тесно взаимосвязанные и взаимоопределяющие соединяются и взаимодействуют в сознании индивида. В этом ключе уточняется и содержание

⁴ Liszka, J.J. The semiotic of myth, a critical study of the symbol. - Indiana University Press, 1989.

⁵ Менджерицкая Е. О. Когнитивный синтаксис как наука о построении дискурса // Актуальные проблемы английского языкознания: Сб. науч. ст. к юбилею профессора О. В. Александровой / Под ред. Т. А. Комовой, Д. С. Мухортова. — М.: МАКС Пресс, 2012. — С. 69—77.

⁶ Элиаде М. Аспекты мифа Пер. с фр. - М.: «Инвест - ППП», СТ «ППП», 1996 . С. 15

концепта, который является связующим звеном между сознанием, ментальным миром человека и культурой: «это сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека»⁷. «Король Артур», как концепт сложен и многослоен, что обусловлено особенностями его формирования в культурном пространстве Европы в XI-XV в.в. Он многослоен и характеризуется значительной образной составляющей.

Во второй главе «Роль сказки “*Kilhwch and Olwen*” (*Culhwch ac Olwen*) в эволюции мифа о короле Артуре» всестороннее показывается роль сказки *Kilhwch and Olwen*” в эволюции мифа о короле Артуре, поскольку она представляет наиболее ранний этап в эволюции мифа, когда литературное воплощение синкретично и приближено к прототипической составляющей мифа. Являясь одной из первых и не фрагментарных интерпретаций образа Артура, правителя-воина, она послужила неисчерпаемым источником истинно кельтских сюжетов и имен, что вдохновляло многих писателей в дальнейшем.

Анализ категории пространства показывает, что оно является наиболее важной категорией концептуализации, тесно связанной с образом Артура и его замком, представляющим центр «познанного» мира, а также главного героя, что запечатлевается в сюжете. Замок (*castle*) Артура является укрепленной крепостью, защищающей от внешних воздействий, он социально значим для представителей одного рода. Он составляет базовый уровень концептуализации пространства. Вхождение в замок означает принятие в социум и круг «своего мира». Для завоевания чужого замка также необходимо войти вовнутрь. В замке самым важным и социально значимым пространством, в свою очередь, является зал (*hall*); Не каждому позволено пройти в зал, и поэтому его роль в сказке особая. Он является центром не только замка, как такового, но и микромоделью мира, как в пространственном, так и в социальном плане. Поэтому все три существительных (*world, castle, hall*) часто фиксируются в контекстах, выводя микроэлементы повествования на макроуровень и связывая их с общим пространством.

Концептуальные характеристики пространства помогают противопоставить «познанное» и «непознанное»: *Go with us, and we will not part until thou dost either confess that **the maiden exists not in the world**, or until we obtain her*. Предметы, которые ищет Килох, обладают особыми свойствами, что и подтверждается частотностью конструкций с модальными глаголами: 1) *There is **not a horse in the***

⁷ Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп М.: Академический проект, 2001 – С. 43

world that can carry...; 2) and no leash in the world will be able to hold...; 3) There is no one in the world that can... Расширение границ пространства происходит за счет нового, непознанного мира, с чем связана динамика развития сюжета и его изменчивость в сопоставлении с известным: 1) *All that day they journeyed until the evening, and then they beheld a vast castle, which was the largest in the world;* 2) *And lo, a black man, huger than three of the men of this world, came out from the castle.* Изучение пространства и его влияние на сюжет позволяют сделать вывод о том, что Артур и Килох – воплощения одной функции: героя, присоединяющего и познающего новые миры.

Физическая мощь и ее выражение через поступки – основа его социальной власти, поэтому эта черта становится важнейшей составляющей исследуемого концептуального поля. Создается образ правителя, обладающего практически сверхъестественной силой: *And in Ireland there was great fear and terror concerning him.* Основной характеристикой Артура являются его активные действия, что подтверждается употреблением глаголов физического действия. Среди глаголов, описывающих действия короля Артура во время войны, самым частотным становится сочетание “*He slew...*”, что неудивительно: социальная ситуация войны диктовала либо подчинение противнику, либо смерть: 1) *Then he came to Garth Gregyn, and there Llwydawg Govynnyad fought in the midst of them, and slew Rhudvyw Rhys and many others with him; And there he slew Echel Forddwytwll, and Garwyli the son of Gwyddawg Gwyr, and many men and dogs likewise;* 2) *He rushed to the door of the cave and at the door he struck at the witch, with Carnwennan his dagger, and clove her in twain, so that she fell in two part;* 3) *Arthur comes but to fight.* Многие другие глаголы, репрезентирующие активность Артура, не так прямолинейны и имеют в своей семантике пространственно-динамический компонент: 4) *Then Arthur sent Gwrhyr Gwalstawt Ieithoedd, to endeavour to speak with him. Now when Arthur approached, Twrch Trwyth went on as far as Prese-leu, and Arthur and his hosts followed him thither, and Arthur sent men to hunt him.*

В сказке воплощен уже достаточно структурированный концепт, в котором все характеристики располагаются от ядра к периферии. Сложная структура концепта потребовала выделения **концептуальной доминанты**, как определяющей расположение характеристик в соответствии с полевой структурой концепта. Это фокусная точка внимания, которая определяет всю совокупность признаков, формирующих концептосферу повествования о короле Артуре в сказке и ее организацию. Все другие характеристики, располагающиеся по полевой

структуре концепта, выступают фоном, а концептуальная доминанта - тем новым и важным, когнитивно значимым знанием именно для современного (для сказки) представления об Артуре. «Власть» в сказке «Килох и Олвен» - концептуальная доминанта, она включает такие характеристики как физическая сила, право на трон, авторитет, смелость и жестокость.

Глава **третья** «Особенности лингвистической репрезентации короля Артура в романе Т. Мэлори» ("Le Morte D'Arthur") посвящена средневековой «артуриане», являющейся результатом осмысления современных (для романа) социокультурных изменений в обществе через миф. Т. Мэлори опирается на многочисленные источники, как английского, так и французского происхождения, использует хроники и другой доступный литературный материал; но он изменил жанр принадлежности мифа на английском языке, тем самым давая ему новую жизнь в литературе.

Изучение единиц на концептуальном и лингвистическом уровнях показывает, что категория пространства остается главенствующей, в известной степени подчиняется описанию социальной системы взаимоотношения короля и рыцарей. Осмысление мира влияет на представление его главной части – рыцарства, что подтверждается употреблением лексемы *world* для описания лучших представителей рыцарства: *O lordes this noble knyghte ... is the mooste man of prowesse of manhode and of worship in the world / for it is hym self kynge Arthur our alther liege lord* (134). В рамках мира короля Артура и рыцарей Круглого Стола происходит распространение рыцарских и противоположных им качеств, таких как *shame, fidelity, prowess* и др. (*thy grete shame to the worldes ende*). Артур представляет собой воплощение и точку притяжения рыцарского мира: *And ther is suche a felauship they may neuer be broken / and wel nyghe al the world holdeth with Arthur / for there is the flour of chyualrye* (117), поэтому *world* в романе часто имеет метонимическое значение.

Центр замка обладает маркированной значимостью: *the **chyef place** of the castel*. В замке находится и королевский двор: *in **the courte** of the castel*. Замок Артура является местом основных действий в романе, а также точкой, откуда рыцари выезжают совершать свои подвиги и куда возвращаются: *See how sire Tristram hunteth and hawketh & coureth within a Castel with his lady* (608). Динамическая концептуализация движения *от* и *к* замку (118- 15 пр.) преобладает по сравнению с концептуализацией замка, как статичного, фонового объекта, наполненного (или нет) неподвижными предметами (56 – 8 пр.) «Королевский

замок» представляет собой центр рыцарского универсума и категоризацию пространства базового уровня, который значительно дополнен и детализирован по сравнению со сказкой (*Towne* (*she lete crye in castels and townes*), *Cyte* (*in the Cyte of Sarras he conuerted a kynge whos name was Euelake*), *Halle* (*Thenne syr kay sayd al open in the halle*), *Kechyn* (*kepte my sone in the kechyn*), *Chamber* (*in the chamber*), *Gardyn* (*he abode in the gardyn*), *Vale* (*he rode into a lytyl vale vnder the castel*), *Pauelion* (*they were in their paelions*) и др.).

Мир рыцарства включает в себя уже не враждебное, «непознанное», а волшебное пространство, которое располагается не «за границей», но в лакунах внутри пространства романа. Пространственная концептуализация используется в романе для передачи власти Артура и связывается с Круглым Столом, как артефактом, олицетворяющим и замыкающим круг рыцарского универсума: *ALso Merlyn made the round table in tokenyng of **roundenes of the world** / for by the round table is the world sygnefyed by ryghte* (644). Важной характеристикой для понимания пространственной власти Артура, простирающейся на всю страну и другие королевства, является **цельность**, которая представлена в основном лексемой *whole: he was **hole kynge** of Englund*. Она же описывает и физическую силу короля, связанную с представлением о здоровье как цельности. Понятие власти (*power*) многозначно и включает в себя как значение физической и военной силы, так и абстрактное представление о власти. Наиболее частотной формулой, ставшей конвенциональным высказыванием при дворе короля Артура (в 20 из 65 примеров), является согласие выполнить просьбу просителя, но при условии, что она «находится в пределах его власти» - *lye/lay in my power: Aske what ye wil and ye shall haue it and hit **lye in my power** to yeue hit wel sayd the lady* (80). В этом случае власть осмысливается через более общие пространственные представления, когда сфера влияния и возможность совершения действия рыцарями и самим Артуром ограничена неким пространством; то, что выходит за пределы, неподвластно говорящему. Показательно, что во всех примерах данного типа подобное заявление сопровождается разными оттенками модальности или выражениями-перформативами по типу «я обещаю»: *Now sayd syre gawayne leue your mornynge and I shalle promyse yow by the feythe of my body to doo **alle that lyeth in my power** to gete yow the loue of your lady / and ther to I wylle plyte yow my trouthe* (149).

Глагольная категоризация (противопоставление глаголов физического действия глаголам мыслительной деятельности и определяет оппозицию между знанием Артура и Мерлина), признаковая семантика (формирование системы

оппозиций хорошего-плохого рыцаря), а также деривационные модели (от *noble - noblesse, nobleness u noblely*) показывают на лингвистическом уровне, как происходит сдвиг от чисто архаического героя сказки к благородному рыцарю, королю феодального общества и лидеру рыцарства. Артур в романе уже не только герой, что выражается глаголами физического действия - *pulle, juste, smite, fighte, sprune*, но благородный рыцарь и король, обладающий знанием при употреблении *I knowe* в прямой речи и прислушивающийся к советам своего окружения. Мерлин выступает в роли проводника надчеловеческого и сверхприродного знания для Артура и его окружения: *More, she said, Merlin knoweth well, and ye Sir Ulfius, how King Uther came to me* (55).

В тексте фиксируются слова, относящиеся к социально-правовой сфере, описывающие сложную систему взаимоотношений между королем и его вассалами, через которые изменяется представление о власти короля и созависимости рыцарей друг от друга вследствие данных клятв или обещаний. В романе употребляются различные лексемы, относящиеся к полю клятвы, обещания, верности королю: от традиционного древнегерманского *oath* (*að / āþ / ath*), появившееся в английском в XIII веке *feith* (*faith*), до заимствованное из французского *promise*. Интересно, что романе Т. Мэлори *oath* употребляется в контекстах, связанных с военными обязательствами: *The fyrst that beganne the othe was the duke of Candebenet* (52); *for he sente hym an othe that he wold goo hym self vnto the pope of Rome to warre vpon the mescreauntes* (498). При употреблении существительного *faith* в романе, речь идет о словесном личном договоре-обещании, которое, тем не менее, затрагивает рыцарскую честь: *I wold make her a promyse by the feith of my knyghthode for to laboure dayly in armes* (242). Лексема *faith* соседствует со словом *promise*, обозначающим обещания «локального характера»: *I promyse you by my knyghthode and ye wil departe and make no more noyse* (804). Рыцарское служение требовало духовного благородства, чести и достоинства. Она давала власть и полномочия королю, а рыцарям – возможность служения «от имени короля, который был единственным авторитетом в стране»⁸ и получения вознаграждения. Во многих контекстах романа рыцари произносят клишированную фразу, провозглашающую верность королю Артуру. При этом в ней не содержится сама лексема *fidelity*, но рыцарь утверждает, что «Артур – его лорд, поскольку посвятил меня в рыцари»: *my lord Arthur and noble kyng that made*

⁸ Ford B., The Cambridge Cultural history of Britain.- V2 Medieval Britain Cambridge University Press, 1992. P. 57.

me knyghte. На этом основывается верность рыцаря в рамках системы социальной иерархии, имеющей в основе своей клятву и ритуал посвящения.

Слова с положительной и отрицательной коннотацией в глагольной и признаковой семантике, характеризующие Артура, становятся более разнообразными, что связано с заимствованием слов в основном французского происхождения. Стилистическое варьирование выделяет определенные черты рыцарей и самого короля Артура в тексте романа. Концептуальной доминантой короля Артура в романе становится представление о благородстве. Семантика слова *noble* закрепляет представления о рыцарстве от наиболее архаичного, военизированного - к сословному и затем абстрактно-идеальному, являясь своеобразным «*семантическим маркером*»⁹, передающим понятия о «знатности» и «благородстве», особо значимых для Средневекового мировидения британцев. В английском языке содержание исходного концепта, отраженное посредством прилагательного, изначально имело значение "distinguished by rank, title, or birth" и указывало на принадлежность к роду и являлось первичным необходимым признаком благородства, что и было отражено в языке в тот период. Король Артур происходит из высокого рода – он сын Утера Пендрагорна: 1) *he is come of a noble blood and of kynges lygnage, 2) how could this knight be bad? - He is of Arthur's blood, 3) And I lete you wete I am of good men / for I dare say my fader was a noble man (243).* Однако, уже в тексте романа под влиянием сложной аксиологической системы оценки рыцарства, прилагательное изменяет свое значение. Если в части проанализированных примеров разделить значения «знатности» и «благородства» не представлялось возможным, то употребление прилагательного *noble* для определения неодушевленных существительных (*tales, deeds, volumes, prowess, might*) говорит о том, что данный переход состоялся. В тексте романа Т.Мэлори прослеживается путь отвлечения (или развеществления) представления о благородстве, когда возникает более сложное представление о благородстве в результате перекатегоризации данного представления под влиянием социокультурной среды. В первую очередь, благородство теряет неразрывную связь с его носителем, оно расширяется на физически разнообразные формы, в том числе и физически неопределенные, такие, как *realm*. Оно наполняется все большим и большим количеством признаков, включая вежливое, куртуазное

9 Павилёнис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка М.: Мысль, 1983. С. 42.

поведение при дворе и даже «приятное» - благородное выражение лица (*with a meke & noble coūtenaūce*), приводя к всеобъемлющей характеристике рыцаря.

Для романа особо значимым становится гендерный аспект концептуализации. Уже в самом начале романа «Смерть Артура» демонстрируется важность женщин для рыцарства посредством известной клятвы всего артуровского рыцарства на день Пятидесятницы. Каждый из рыцарей клянется защищать честь не только Церкви, но и дам от неправды и несправедливости: *Also by no meane to be cruel but to gyue mercy vnto hym that asketh mercy vpon payn of forfeiture of their worship <...> and lordship of kyng Arthur for euermore / and alweyes to doo ladyes / damoysels / and gentylwymmen socour vpon payne of dethe* (119). В тексте клятвы рыцарей в романе Т. Мэлори употребляется, а затем и не раз повторяется существительное *socour* – помощь. Оно имело значение оказания военной помощи, предоставляемой вассалом или военным союзником по договору или иному документу. Использование существительного *socour* в тексте клятвы выводит ее на уровень документа-договора, так как помимо лексического значения «помощи», слово обладает юридическими коннотациями, отсылающими к правовому дискурсу.

Образ Гвиневеры – королевы дополняет источники власти короля Артура в романе, поскольку именно с ней к Артуру переходит артефакт его социальной власти – Круглый Стол. Галлицизмы с юридическими коннотациями в речи Гвиневеры и других благородных дам романа играют роль специальных маркеров; так женщины оказывают воздействие на рыцарей и выступают в роли регуляторов их деяний. К таким выражениям относятся *blame, penaunce, complaint, soccur* и др. К примеру: *sayd quene Gweneuer ye were gretely to blame that ye saued not this ladyes lyf* (118). Употребление глагола *blame* от старо-французского *bla(s)mer* функционирует в английском XIII века, наряду с *blasmer* «приговорить решением суда», на что указывают данные словаря среднеанглийского периода [MED].

Изучение концепта короля Артура в изученных произведениях показывает, что его структурная организация усложняется. Часть характеристик сохраняется, однако сам концепт “King Arthur” в сказке и романе значительно изменен. Это обусловлено изменениями, происходящими в концептуальной доминанте. Концептуальная доминанта «благородство» есть результат влияния культурного и социально-исторического контекстов на систему образов и речевые характеристики героев, а также и на развитие концепта. Новая доминанта оттесняет жестокость, физическую силу из ядра, подчиняет себе его поведение в битве,

рыцарские качества, право на трон и оттесняющее жестокость и физическую силу на периферию. Ею же обусловлено перемещение понятий о славе, чести и известности к ближней периферии.

Вторая часть диссертации «Вторичность и интертекстуальность как черта развития мифа о короле Артуре: путь мифа через океан», представляющая четвертую, пятую и шестую главы, посвящена изучению переноса мифа на американскую почву. Пройдя этап отрицания и неприятия традиционных британских ценностей и противопоставления им черт новых героев фронта, американское общество обратилось к мифу о короле Артуре уже не для отрицания, но для изучения и ориентации себя в контексте общих европейских ценностей, поиске самоидентичности. Развитие мифа на американской почве тесно связано с ироническим осмыслением образа Артура, восхищением техникой и наукой, осуждением монархии и вынесением на первый план образа Камелота – символа общности рыцарей.

Первой попыткой использовать образы артурианы на американской почве были сделаны Н. Готорном в рассказе “The Ancient ring”. Готорн приносит забавную легенду (только как компонента мифа) на американскую почву, чтобы обратить ее против самой себя: форма изложения не интересна, скучна для современного читателя, поэзия тяжеловесна, все слишком мистично и подходит только для романтической пары из экзальтированной девушки и юриста, мечтающего заниматься литературой. Важно, что в рассказе Н. Готорна в зародыше видны две тенденции, намного более заметные в дальнейшем развитии «артурианты»: интерес к легендам, рассказам, историям, возможность участвовать в дальнейшем развитии мифа и ироничное отношение к корпусу британских текстов. Второй тенденцией становится иронический модус осмысления артуровского корпуса. Ключевым словом-маркером в рассказе явилась лексема *legend*, обозначающая нечто притягательное, развлекательное и романтическое (*idle legend, pretty legend*). И только в последнюю очередь – древнее или историческое. Встраивание в систему мифа происходит через фразы, лексемы и идиомы, имеющие только внешнее сходство с рыцарской средой, например, *a carpet knight*, иронично употребленное по отношению к герою рассказа.

Роман М. Твена «Янки при дворе короля Артура» (1889) становится «одним

из поворотных пунктов работ по артуровской литературе»¹⁰, не в последнюю очередь потому, что это произведение крупной формы, а также - совершенно новое прочтение мифа на стыке прошлого и современности, различных типов мироосмысления. Вследствие этого, полифония и интертекстуальность, особенно явные в романе, – не стилистические и далеко не литературные приемы, но концептуально значимые выразители конфликта типов сознаний, искусно соединенных в художественном произведении. Концептуальная оппозиция феодального мира Артура и технологически-коммерческого Янки, заложенная в заглавии романа М. Твена, развивается на протяжении романа и реализуется в иных оппозициях: научных инновациях и традиции, нового знания и мудрости. Янки как носитель американского самосознания противопоставлен старому миру, воплощенному королем Артуром: *I am an American. I was born and reared in Hartford, in the State of Connecticut – anyway, just over the river, in the country. So I am a Yankee of the Yankees – and practical; yes, and nearly barren of sentiment, I suppose – or poetry, in other words* (10).

Хэнк Морган выражает просвещенный взгляд на природу и человека, что подтверждается отсылками и повторением понятий из философии Просвещения, в то время как для Артура характерно гармоничное и более древнее представление о мудрости (*wisdom*). Тем не менее, сам Янки связан социокультурными связями собственного имени и фамилии со Старым Светом (*Hank* было сокращенной формой аристократического *Henry*, а фамилия *Морган* указывает на сестру Артура Моргану), и сам получает новое имя *The Boss*, что сближает его с высшим сословием (*"I was no shadow of a king; I was the substance; the king himself was the shadow. My power was colossal*). Впервые это имя появляется в заглавии VIII главы, но ранее содержится указание на глагол – «командовать и управлять»: *I would boss the whole country inside of three months* (13).

Знание в романе М. Твена является уже развитием представлений о логике умственного прогресса по законам, сформулированным в эпоху Просвещения: 1) восприятие разума, мышления и знания одновременно как *субстанционального*, отвлеченного целого по отношению к человеку и как пространственного *вместилища человеческого «Я»*; 2) вознесение логического разума *reason* на главенствующее место в иерархии мыслительных способностей.

¹⁰ The Arthurian Annals. The Tradition in English from 1250 to 2000 NY. Oxford and New York: Oxford University Press, 2006.С. 152

Хэнк Морган, наполненный новым знанием, прибывает на старую землю, где «грубые и наивные» британцы не знают ничего ни о научно-техническом прогрессе, ни об истории, ни о всеобщем благе демократии. В романе не только разум-сознание (*mind*) представляется вместилищем и отдельной субстанцией, но и другие его составляющие: *knowledge, understanding, consciousness* как части этой субстанции. *SOMETHING in me seemed to believe him -- my consciousness, as you may say; but my reason didn't; Wherefore, the "deal" which had been for some time working into shape in my mind was of a quite different pattern from the Cade-Tyler sort* (14). Знание выступает в роли внутренней субстанции, поэтому может информировать (*I have mysterious knowledge which teaches me*), учить или говорить (*My knowledge informs me that*). “*In the stillness and the darkness, the knowledge that I was in deadly danger took to itself deeper and deeper meaning all the time; a something which was realization crept inch by inch through my veins and turned me cold* (31). Но самым значимым для речевого портрета Янки и для реализации оппозиции миров и мировоззрений, заложенных в самом заглавии романа, играет понятие о логическом, рассудочном мышлении - *reason*. Речь идет о знании более высокого порядка, как рационального мышления, которое не появляется самостоятельно, но является результатом развития логического мышления. В философии Просвещения подчеркивалось, что дети и животные не обладают способностью к этой деятельности: «If you look carefully at the state of *a new-born child*, you'll *find little reason to think* that he is well stocked with ideas that are to be the *matter of his future knowledge*»¹¹. Именно так описывает Янки жителей средневековой Англии ('white Indians', 'mere animals', 'children' ' donkeys'), ср.: *These animals didn't reason; that they never put this and that together; that all their talk showed that they didn't know a discrepancy when they saw it; Why, her eyes were as grateful as an animal's, when you do it a kindness that it understands*. Тем не менее, слепая вера в разум, прогресс, индустриализацию не приводит к моральному совершенствованию человечества. Сам Янки чувствует корень противоречия между разумом и чувством, мудростью и нравственностью и позволяет автору выступить против сведения мыслительных процессов человека к овладению знанием (информацией) и логическому мышлению: *My heart got to thumping. You can't reason with your heart*.

¹¹ Locke J. An essay concerning human understanding URL: <http://www.earlymoderntexts.com/pdfs/locke1690book2.pdf> Дата доступа 22.06.15

Именно Янки чаще всего провозглашает о своем знании с помощью глагола *I know* (40 примеров,) или в форме причастия *well knowing smth, I...* Зная что-то он предполагает, что может знать и человеческую природу: *I know the value of these things, for I know human nature*. Он часто обращается к слушателям, его мысленному или реальным собеседникам: *you know* (36 пр.), пытаюсь объяснить свои мысли и поступки, или, наоборот, пытается убедить собеседника в своем знании *you know not* (8 пр.). Можно отметить, что его знание диалогично по своей природе, но, он хочет делиться с другими, пытается установить контакт и понимание, поэтому часто задает вопросы (10 пр.). Он предполагает, что то, что он знает, должно стать известным и его собеседникам. Он готов и желает развиваться, поэтому может признать, что чего-то не знает или не знал (18 пр.), но употребление данного глагола в отрицательных контекстах значительно менее частотно, чем в утвердительных. Его естественным оппонентом становится Мерлин, который, по мнению Моргана, не знает настоящих магических вещей (3 примера): *unknown to Merlin, Merlin doesn't know, He knows not*. Мерлин, в свою очередь, намекает и на недоступное Моргану знание в поединке: *"Wait," said Merlin, with an evil smile. "Ye wit that he that would break this spell must know that spirit's name?" "Yes, I know his name,"*(153) – отвечает Морган. По отношению к Артуру глагол *know* также употребляется, но больше в значении знания как личного опыта. Во время путешествия Морган понимает, насколько тяжело королю изменить внешность и стать хотя бы отчасти похожим на простого человека: *The shoulders have known no ignobler burden than iron mail, and they will not stoop* (206). Знание есть опыт, полученный в ситуациях, с которыми король по благородству своего происхождения не знаком. Также Артур обладает иным типом знания, связанным с мудростью: *It was a wise head*.

Хотя концепт «король Артур» значительно структурно минимизирован, сохранение ядерных признаков позволяет ему быть узнаваемым в литературном произведении. Ядерные характеристики (власть, социальный статус правителя) остаются неизменными, но значительные изменения происходят на периферии. **Концептуальной доминантой** становится героическое поведение (**heroism**) Артура в нетрадиционных обстоятельствах (в мирное время). **Here was heroism at its last and loftiest possibility, its utmost summit;** *this was challenging death in the open field unarmed, with all the odds against the challenger, no reward set upon the contest, and no admiring world in silks and cloth of gold to gaze and applaud; and yet the king's bearing was as serenely brave as it had always been in those cheaper contests where*

knight meets knight in equal fight and clothed in protecting steel. He was great now; sublimely great (211). Артур – в первую очередь благородный человек.

Нравственный потенциал образа Артура и рыцарства оказывается востребованным в формировании идеологии бойскаутов, широко повлиявшей на восприятие Артура в Америке.

Анализу данного вопроса посвящена **пятая глава** диссертации: «Образ короля Артура в педагогической и воспитательной парадигме Америки начала XX века». В 1910 году выходит переработанная и дополненная книга для скаутов Америки “*Boy Scouts Handbook*”, с подзаголовком “*A Handbook of Woodcraft, Scouting, and Life-craft*”. Этот же год является и годом основания скаутской организации в Америке, которую уже в 70-е годы исследователи рассматривали в рамках общего для конца XIX века антимодернистского течения и страха перед излишней цивилизованностью. Переиздание данной книги в 1911 г. включает в себя главу «Рыцарство». Дж. Атертон – один из исследователей культурных процессов, окружающих скаутское течение – метафорически назвал эту книгу «библией» скаутского движения: «*the bible of the scout movement*»¹².

В тексте книги видны тенденции переосмысления ключевых понятий традиционной «артурианы» в американском ключе, а повторение слов и идиом из общего поля рыцарства служит целям выражения американской идентичности. Артур, как основатель рыцарского ордена отнесен на второй план: *A little over fifteen hundred years ago the great order of knighthood and chivalry was founded; there sprang up all over Europe a noble and useful order of men who called themselves knights*. Идея борьбы с «неправыми рыцарями», идея противоборства злу, мессианство, демократические ценности и идея идеальной государственности выносятся на первый план: *These were the days when might was right, and the man with the strongest arm did as he pleased, often oppressing the poor and riding rough shod without any regard over the feelings and affections of others*. Идиома: *riding rough shod* имела прямое отношение к рыцарству и рыцарскому вооружению: на копыта лошади могли надеваться специальные железные подковы с шипами или удлиненными наростами, которые служили как для украшения, так и для того, чтобы лошадь не скользила¹³ и на размытых дорогах, и по полю битвы. Попасть

¹² Atherton J. On "The Official Boy Scout Handbook"// Revue française d'études américaines Editions Belin No. 32, 1987, P. 281.

¹³ Fleming G. Horse shoes and horse shoeing: their origin, history, uses, and abuses (1869) URL: [http://en.wikisource.org/wiki/Horse_shoes_and_horse_s..]

под копыта, подкованной таким образом лошади, означало получить серьезные увечья, часто даже не совместимые с жизнью. Поэтому такая тактика была удобна при столкновении пехоты и кавалерии. Первое употребление прилагательного *shod* в значении *marked by tyrannical force (roughshod rule)* словарем Merriam Webster приводится в 1688 году, а наречия – в 1813. [MWD]. Была также популярна фраза: «The devil ride rough-shod over the rascally part of the creation» [OED]. Имея такие исторические «рыцарские» корни, данная фраза стала особенно популярна в Новом свете именно в своем идиоматическом значении, означающем грубое, несправедливое поведение по отношению к слабым и беззащитным. Видимо, она стала особым, устоявшимся риторическим приемом в медиа дискурсе, а затем и в политическом дискурсе: «Gracious heaven!-are such things to be, that fifty men may "ride rough shod, over a ruined people — a great and gallant nation, the pride of the world, and hope of posterity?» (1819); «It gives them liberty to **run roughshod** over the rights and liberties of a sovereign state! And under what circumstances is this bill produced?» (1933). Таким образом, какой бы удаленной и исторически связанной с рыцарством данная идиома не казалась, она в полной мере ассимилирована американцами и вписывается в контекст американского восприятия прав и свобод в государстве. В полной мере она принадлежит именно американскому дискурсу, американской мечте о свободе и равенстве, о справедливости. В контексте рыцарства, она лишь заново актуализирует свои исторические корни, что приводит к усиленному эмоциональному эффекту, одновременной реализации прямого и переносного значений.

Концептуальной доминантой в книге для скаутов и журналах “*Boy’s life*” становится **понятие чести (honour)**, которое также подробно разрабатывается в соответствии с американской системой ценностей: *The honor of a scout is a sacred thing, and cannot be lightly set aside or trampled on; A boy’s honor is the boy himself.* Отдельная статья журнала посвящена анализу данного понятия, объединяющего и другие - «**On my honour**». В новом социокультурном контексте происходит замена артефакта. У скаутов не могло быть круглого стола, но в журнале представлен «**компас бойскаутов**» в виде круглой плашки, сильно напоминающей Круглый стол Винчестера, где вместо имен рыцарей начертаны основные характеристики скаутов и их долг по отношению к себе и другим, Богу и стране: *do a good turn daily*. Компас становится артефактом Нового времени, и Нового Света, поскольку идеально отражает две фундаментальные категории американского самосознания: это нацеленность на всемирность, мессианские идеи несения ценностей в другие

части света и общность группы. Новые герои уже собираются не за Круглым Столом, но за Скаутским Компасом, дабы избрать нужный путь. В дальнейшем развитии «артурианы» в идеологии бойскаутов - важной становится общность рыцарства, объединенная сильным лидером, где Артур выступает лишь как лучший пример идеального (а в идеологии – и моделируемого) поведения.

Глава шестая «Жизнь образа на стыке культурных традиций: кристаллизация, стереотипизация и редукция мифа» посвящена изучению мифа о короле Артуре на материале 38 словарей, нескольких рассказов фанфикшн и отсылок к артуриане в массовой культуре. Концепт “ King Arthur” находит свое отражение в лексикографическом дискурсе. Словарная статья, опирающаяся на многочисленные первичные тексты и представления, являет собой концентрированное, сжатое знание о предмете, закрепляя только наиболее общее, прототипическое. Однако, обращение к широкому литературно-историческому контексту показывает, что словарная статья, также как и многие литературные произведения о короле Артуре, обусловлена не только составом и расположением характеристик концепта, но и исторической ситуацией, развитием науки, литературным процессом. Концептуальная сетка статьи отражает как логику смыслового развертывания, важнейшие смыслы, идеи и противопоставления, так и сохраняет эмоционально-образный компонент. *William the Conqueror and his train had no real coat-of-arms; they were only supposed to bear them by medieval heralds, those strange persons who even made knights in armour out of King Arthur and his primitive chieftains. Doubtless, Norman William and his followers, had some cognisances but not the full insignia* [Every Woman’s Encyclopaedia, 1910/1912: 69]. *King Arthur collected all the fine brave good-looking young men of his time and established the Round Table* [Boners, 1931: 20]. Отсылки к Артуру как полуполюгендарной личности можно найти во всех словарях, но начало времени его правления (15 лет) упоминается только в двух из 38 исследованных лексикографических источников.

Константой остается категория и пространства: общее представление о Британии как о пространстве мира короля Артура, упоминание конкретных топонимов, детализирующих это пространство, определяемых литературно-мифологическими и историко-археологическими причинами. В дефинициях словарей можно было выделить ядерные характеристики инварианта образа, отметить и проследить их изменение с течением времени и выявить ключевые дискурсивные маркеры и стратегии подачи той или иной информации. При анализе

словарей на протяжении двух веков можно отметить несколько важных тенденций: увеличение аппроксимации (стратегии неточности), сокращение фактической информации, интерес к легендам. Маркером ввода недостоверной информации становятся формы сложного составного сказуемого с перфектным инфинитивом, относящегося к прошлому, в оборотах после глаголов, имеющих в своей семантике элемент неточности: *He appears to have commenced his martial career about the year 500, and was raised to the Pendragonship, according to Owen, in 517; according to Whitaker, in 508. Nennius asserts that he gained twelve victories over the Saxons. Of these, eleven are asserted by Whitaker <...>, which reasons of great plausibility, to have been fought in Lancashire, or still further to the north, at a period anterior to his election to the Pendragonship <....>from which Arthur is not recorded to have tried to expel him* [The National Encyclopaedia, 1875: 467]. Также авторы словарных статей XX века часто прибегают к модальному глаголу *may* в сочетании с перфектным инфинитивом, дающим отсылку к прошлому: *He may originally have been a Romano-British war leader* [The Cambridge Biographical Encyclopedia, 1998: 45]. Для создания мотива неточности, неуверенности используются и прямые указатели, выраженные на лексическом уровне, **дискурсивные маркеры**: *historically perhaps, probably* (Stories of King Arthur, who was, probably, a Romano-British leader in the wars against the Saxon invaders), *it is very doubtful* (It is very doubtful if he is a historic figure: he is claimed alike as prince in Brittany, Cornwall, Wales, Cumberland and the lowlands of Scotland), *nearly, sometime*. Используются целые предложения с отрицанием: *Although the series are well known, no one knows who King Arthur really was. Today, most writers of history believe that Arthur was a great chief of one of the tribes in Britain, sometime after AD 500; Little is known about him, except that he was mortally wounded.* Научная информация окончательно уходит в специализированные словари, а словари языка и культуры опираются только на максимально сжатое, без деталей стереотипизированное представление: *In old stories, a king of Britain.*

Отделившись от мифологических истоков, архаических и артефактных сюжетов и мотивов, миф начинает жить новой жизнью. Неизменной характеристикой мифа в его новом состоянии является то, что он в первую очередь переживается, вызывает сильный эмоциональный отклик в слушающем или читающем. При этом он перестраивается на новый лад на основе новых систем образности, исторических и культурных реалий; следовательно, живой миф подвержен постоянному изменению и развитию. Если он не развивается, он

закостеневаает и остается лишь отсылкой или цитатой. Развитие мифа возможно только через новую интерпретацию, диалог сознаний: автора, читателя, нового автора и нового читателя. Развитие мифа в XXI веке принимает новые формы: это интернет-рассказ, автором которого становится активный читатель – фанат мифического и художественного мира произведения. Фанфикшен – это одна из форм доступа к мифу, к свободному творчеству, не скованному рамками канона, его преобразования и обновления. Поскольку миф все сильнее и сильнее замыкается в рамках того, что относится к стереотипу и прототипу, зажимается в рамки создателей массовой культуры, обычные читатели так возвращают свое право на миф, как создаваемый в народной среде. Исследование показало, что даже ядерные характеристики концепта могут быть подвержены разрушению и видоизменению, однако в рамках одного рассказа это происходит только с одной ядерной характеристикой – другие продолжают работать, и даже усиливаются. Так мы рассмотрели три рассказа фанфикшен, где видоизменяются время действия, место действия и пол главного героя. Усиление происходит через повторение и особую нагрузку ключевых слов, составляющих концептуальную сетку дискурса. В рассказе «Noble», где Артур представлен командиром, повторяются слова *noble, hero, mystery, secret: However, he was Arthur Castus, the son of the great war hero, and they'd told him he could have anything he'd wanted.* В рассказе "King Arthur: Modern day respin" даются отсылки к литературным произведениям мифа о короле Артуре, на вербальном уровне подтверждается связь с мифом (*used to their language..."; something out of the middle ages; I was THE Arthur; arriving on the mists of Avalon*). Наиболее интересным было изменение пола героя, повлекшее за собой и изменение его имени на Ardora, Ardurius, Arthur: *Now they dressed Arthur as befitted a king, not a wandering tinker, and indeed she looked like a king, young and shining with her new purpose.* На троне она проявляет себя активным правителем, что подтверждается использованием глаголов, ранее характеризующих образы Артура в сказке и в романе Т. Мэлори: *made a good treaty, collected the remains of army, began to fight against, fought a battle.*

Структура концепта, как он представлен в произведениях фанфикшен, имеет только небольшую часть характеристик, в отличие от полномасштабного художественного произведения; часто **отсутствует** исторически сложившаяся **концептуальная доминанта**. Фанфикшен – это экспериментальный материал изучения отдельных свойств концепта *in vitro*. Именно в них заключены те идеи,

которые могут быть соединены творцом слова (писателем) или образа (режиссером) и преобразованы в новый мифологический мир.

В массовой культуре потребления присутствует и дальнейшее обеднение концепта, превращение его в имя-бренд, где реализуется только одна черта, которая должна вызвать приятные чувства у будущего потребителя. Первичным здесь становится время мифического - удаленное, а потому и притягательное: 1) *A little further takes you to Tintagel a place of mystery and romance with its witches museum and memories of **King Arthur**, the round table and Merlin.* 2) *I am almost sad that **my saga of a-england's 'Mythicals' has come to a close, but like all good stories, it is the telling of it that counts!***; 3) *Mythicals collection, **the legend of King Arthur has always been a favorite of mine since I was a little girl!***; 4) *I really adore the idea of this line: **I'm a complete sucker for mythologically cohesive branding.***

В **заключении** приводятся основные выводы данного исследования.

1. «Артуриана» – явление, существующее на стыке нескольких пространств: мифология, литература и дискурс. Образ Артура – важнейшая составляющая англоязычного культурного пространства, однако его восприятие, несмотря на «трансатлантичность», различается в Англии и Америке.

2. Рассматривая структуру концепта, традиционно разделяемую на три основных компонента и структурно разлагаемую на ядро и периферию, мы уделяли особое внимание образной составляющей, поскольку “King Arthur” - концепт сложной структурной организации, важнейшую роль в которой играют не только понятийные, но и образные компоненты. Концепт развивается так же, как и миф, что и подтвердило его рассмотрение в динамике во всем множестве временных синхронных срезов. Его структура была реализована на лингвистическом уровне: пространственной семантикой и концептуализацией, глагольной семантикой и грамматическими категориями (творчески использованными каждым автором), признаковой семантикой и ее развитием в частеречной перекатегоризации, стилистической, терминологической и этимологической дифференциацией лексики, переосмыслением употребления идиом.

3. Помимо традиционного для концептологии разделения на ядро, ближнюю и дальнюю периферию, стало возможным говорить о **концептуальной доминанте** и предложить ввести данное понятие применительно к изучению концептов, обладающих разнородным, многоуровневым содержанием, а также часто представленных в художественных произведениях. Именно изменение КД индуцирует механизм эволюции концепта.

4. Константами мифа о короле Артуре являются категории пространства, власти, представление о знании. Содержание концепта в отдельных произведениях, а также его лингвистическое воплощение варьируется. Вариативность приводит к изменениям на периферии и играет важную роль в эволюции.

5. Лексикографическая статья, опирающаяся на многочисленные первичные тексты и представления, представляет собой стереотипизированное, сжатое и прототипическое знание о короле Артуре (хронотопическая модель представления Британии через упоминание конкретных топонимов), сохраняется эмоционально-образный компонент, связанный с исторической ситуацией, а литературно-мифологические и историко-археологические данные зависят от стратегии подачи информации. На протяжении двух веков отмечаются тенденции: аппроксимация, ведущая к неточности и сокращению фактической информации, и интерес к легендам. Научная информация переносится в специализированные словари.

6. С развитием концепта важную роль играет гендерный аспект и характеристика женщин из окружения короля Артура на протяжении всех этапов эволюции мифа. Оставаясь в периферийной зоне концепта, он представлен системой женских образов от Олвен в сказке до Ардоры в произведениях фанфикшен.

7. Развитие концепта "King Arthur", обуславливающего эволюцию мифа, проходит по меньшей мере пять основных этапов: 1) формирование общего поля-образа, 2) первичный структурированный концепт, 3) развитый концепт с избыточными характеристиками, 4) вторичные концепты, 5-а) кристаллизация концепта, 5-б) появление высоко вариативных концептов.

Основные положения диссертации отражены в следующих **публикациях**, четыре из которых напечатаны в журналах, входящих в перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук:

1. **Шаранкова А.А. Роль глагольной семантики в создании портрета главного героя в романе Т. Мэлори "Смерть Артура" //Вестник Московского университета. Серия 9, Филология/ Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013г. № 3/ С. 185-196**

2. **Шаранкова А.А. Структурирование информации в словарной статье (на материале лексикографических источников о короле Артуре)**

Когнитивные исследования языка Вып. XIV Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Р.Г. Державина.- 2014.№ 17 С. 540–548

3. *Шаранкова А.А.* Отражение научных гипотез и легенд и их взаимосвязь в лексикографических источниках (на материале словарных статей XIX -XXвв.) // Вопросы филологии № 3-4 (48) М.: ИНЯ РАЛН, институт языкознания М. 2014 С. 164-175

4. *Шаранкова А.А.* Американские ценности, репрезентируемые образами артурианы в воспитательной парадигме США начала XX века и литературе бойскаутов // Вестник Пермского университета Серия Российская и зарубежная филология Научный журнал. Пермь. 2015 вып. 1 (29) С. 108-118

5. *Шаранкова А.А.* Space representation of archaic picture of the world in the English version of Welsh text of Culhwch ac Olwen. // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2010». Режим доступа <http://www.philol.msu.ru/~smu/work/science-day/2010/24-9.pdf>

6. *Шаранкова А.А.* King Arthur as a myth and a concept: the shift of balance from an archaic hero to a noble knight // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2011». Режим доступа http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2011/structure_28_1302.htm

7. *Шаранкова А.А.* King Arthur: from worship to loneliness (myth structure in modern discourse) // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2012»Режим доступа <http://www.philol.msu.ru/pdfs/lomonosov2012best.pdf>

8. *Шаранкова А.А.* Языковые особенности репрезентации власти в романе Т. Мэлори «Смерть Артура»: гендерный аспект // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2013» Режим доступа: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2013/structure_27_2290.htm

9. *Sharapkova A.A., Komova T.A.* Space as a cultural and semantic universal and its representation in the tale "Kilhwch and Olwen (Culhwch ac Olwen)"// Social Sciences, The International Journal of Interdisciplinary Cultural Studies. 2014. — Vol. 8, no. 2. — P. 21–32. (SCOPUS)

10. *Шаранкова А.А.* Концепт как способ организации дискурса // Дискурс: гуманитарный контекст: Сб. науч.ст. / Сост., отв. Ред. Н. В. Гоноцкая; Философский факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. – М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2013 С. 77-97

11. Шаранкова А.А. Особенности создания портрета главного героя в мифологическом дискурсе // Вопросы романо-германской и русской филологии. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ.- 2013 С. 235-247

12. Шаранкова А.А. Discourse as the Rosetta Stone of Linguistics in Culturally Determined Situations // Lateum 2013 Conference Proceedings. ELT and Linguistics 2013: New Strategies for Better Solutions: Conference Proceedings/ Editor-in-Chief: Prof. Olga Alexandrova.- М.: MAKS Press, 2013. С. 29-35.

13. Шаранкова А.А. Особенности репрезентации действующего главного героя в мифологическом дискурсе // Материалы международной конференции: «Современный учитель в современном мире». Астана, 2013г. Астана: 2013.

14. Шаранкова А.А. Языковые особенности репрезентации власти в романе Т. Мэлори «Смерть Артура»: гендерный аспект // Одеський лінгвістичний вісник: зб. наук. праць / гол. ред. Н. В. Петлюченко, Вип. 2. – Одесса: Фенікс, 2014. С.168-193

15. Sharapkova A.A., Komova T.A. "Space": From word philosophy to a myth about King Arthur // Terminology Science in Russia today: From the Past to the Future. Forum für Fachsprachen-Forschung Larissa A. Manerko/Klaus-Dieter Baumann/Hartwig Kalverkämper (eds.) Frank & Timme 2013. ISBN 978-3-7329-0051-0, 2013 P. 369-389

16. Шаранкова А.А. Гендерный аспект в лингвистическом воплощении власти (Т. Мэлори «Смерть Артура») // Актуальные проблемы филологической науки: взгляд нового поколения: Материалы XX–XXI. Межд. конф. студ., асп. и молодых ученых «Ломоносов»: Секция «Филология» / Ред.-сост. А. Е. Беликов. — М.: Изд. Моск. университета, 2015. — Выпуск 6. — С. 21-26

